



шолтфа

А.И.Швырков

УКРАИНА:

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАСПАДА

Ключевые слова: парадигма, развитие, распад, демократия, неопатримониализм, Украина, «евромайдан»

В общем и целом эта статья была написана перед самым началом «евромайдана» и «еврореволюции», когда никто — или почти никто, включая меня самого, — не ожидал и не предсказывал ничего подобного. Все последовавшие за этим месяцы я пытался понять, стоит ли внести в текст статьи какие-либо изменения и не опровергают ли события, произошедшие после ее написания, те идеи, которые я в ней развиваю. В конце концов я пришел к выводу, что нет, не опровергают и что можно оставить все как есть. Хотя совсем уж игнорировать последние события было нельзя. Поэтому я добавил в окончательный вариант статьи несколько коротких абзацев и одно «ключевое слово». Слово это было, как легко догадаться, «евромайдан».

Однако почему же такие, казалось бы, значительные события почти не повлияли на содержание статьи, посвященной анализу происходящих на Украине политических процессов? Надеюсь, из сказанного ниже это станет понятно.

Любой анализ, в том числе и политологический, осуществляется в рамках некоторой *парадигмы*. Под парадигмой я понимаю некую общую установку исследователя по отношению к тем или иным феноменам и процессам, так сказать, *призму*, через которую он смотрит на мир. Парадигма, очевидно, не сводится к какому-либо факту или даже всей их совокупности. По сути, парадигма — это то, что *присоединяется*, «навешивается» на них.

Помимо отношения к тому или иному феномену (например, как к «позитивному» или «негативному»), выбор парадигмы определяет, насколько точны будут наши прогнозы, какое количество релевантных феноменов мы сможем объяснить, сколь логичными будут выглядеть наши объяснения и как мы будем себя вести в той или иной ситуации. Другими словами, парадигма определяет то, как мы мыслим.

Следует заметить, что некоторые парадигмы стали для нас до такой степени привычными и естественными, что мы просто не в состоянии себе представить, как можно мыслить вне их рамок.

¹ Росоцк 1989.

Каждая парадигма снабжает нас особым *словарем*¹.

Последние несколько столетий одной из наиболее значимых для европейской науки была *парадигма развития (становления)*. Эта парадигма предполагает, что человечество движется в направлении все

большого совершенства (богатства, счастья, удовлетворенности, структурированности, разумности и т.д.), и каждое последующее состояние общества рассматривается как более «продвинутое», нежели предыдущее (естественно, незначительные, временные флуктуации не исключаются).

NB! Как известно из истории, так было не всегда. Например, в Средние века в Западной Европе главенствовала иная парадигма, которую можно назвать *эсхатологической*. В индуизме же до сих пор считается, что каждая последующая эпоха в истории человечества хуже предыдущей.

Не берусь оценивать эту парадигму в целом и ее адекватность применительно к истории человечества вообще (хотя что такое «человечество вообще» — тот еще вопрос!), однако могу предположить, что в достаточно большом числе случаев упорство в следовании ей способно привести к значительным погрешностям в оценке тех или иных тенденций. В частности, в случае государств, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза.

Кратко ситуацию с этими странами, какой она предстает со страниц научных журналов, можно описать так.

В 1991 г. Советский Союз разваливается, и в бывших советских республиках начинается интенсивное государственное строительство. Где-то оно идет более успешно, где-то менее, где-то совсем плохо. Некоторые страны — в том числе и Украина — иногда квалифицируются как «failed states»².

Аналогично тому, как характеризуются изменения в этих государствах в целом, характеризуются и изменения в различных их подсистемах (в экономике, политике, социальной сфере). Соответствующий дискурс включает словосочетания типа «развитие рыночных отношений», «эволюция партийной системы», «партийное (государственное) строительство» и т.п.

Важно отметить, что *дискурс развития* существует параллельно с описанием конкретных фактов, указывающих на постоянное ухудшение положения дел во всех подсистемах упомянутых государств. Причем подобный дискурс порождают не только официальные лица, но и представители научного сообщества.

Вероятно, не в последнюю очередь (если, конечно, исключить случаи откровенной пропаганды, интеллектуальной лени или привычки) это связано с тем, что развитой *концепции распада* не существует. То есть, у нас нет концепции, в которой бы модели деградации и упадка описывались столь же детально, как и модели развития. А раз так, то и производить дискурс распада, настолько же хорошо структурированный, как и дискурс развития, оказывается невозможно. Ведь хорошо структурированный дискурс может быть порожден только развитой теорией³. В дальнейшем я еще вернусь к этому вопросу.

² См., напр. Мельвилль [Me'l'vil'] 2007; Подвинцев [Podvincev] 2007.

³ Очевидно, что теория распада может возникнуть только при наличии соответствующей парадигмы.

Наличие огромного числа фактов, свидетельствующих о катастрофическом состоянии большинства отраслей экономики, социальной сферы и т.д., является серьезным основанием для того, чтобы усомниться в правомерности использования риторики развития, а тем самым — и в адекватности соответствующей парадигмы. Серьезным, но недостаточным. Ведь, как давно уже показал Имре Лакатос, даже *исследовательская программа* не может быть отброшена как неадекватная только потому, что имеются факты, вроде бы опровергающие вытекающие из нее выводы⁴. Парадигма же — во всяком случае понимаемая так, как я ее понимаю, — есть нечто гораздо более абстрактное, чем теория или исследовательская программа, а значит, она еще менее уязвима со стороны фактов. Поэтому единственное оправдание парадигмы, которая будет представлена ниже, — это *сама ее возможность*, точнее, возможность выстраивания на ней, в ее контексте некоторой непротиворечивой концепции. Если эта концепция будет вполне успешно объяснять множество фактов, которые объясняются теориями, базирующимися на парадигме развития, то уже одно это будет весомым основанием не отбрасывать ее как неадекватную. Если же она будет объяснять факты, которые эти теории объяснить не в состоянии (а также предсказывать то, что они предсказать не могут), то у нас будут все резоны полагать, что на данном этапе эта парадигма предпочтительнее парадигмы развития.

⁴ Лакатос
[Lakatos] 2003.

Итак, в дальнейшем я буду исходить из того, что большинство процессов, происходящих в странах, образовавшихся на территории бывшего СССР, должны рассматриваться как процессы деградиционные, как процессы распада, разрушения (а не развития, становления и т.п.). Другими словами, я буду предполагать, что *распад СССР еще не завершился* (и, возможно, далек от завершения).

Опираясь на эту гипотезу, я попытаюсь проинтерпретировать некоторые процессы, идущие на Украине (коль скоро украинская специфика мне знакома лучше всего).

Однако прежде чем переходить непосредственно к анализу этих процессов, необходимо сделать одно важное замечание. Оно касается вопроса о *приоритетной сфере*, то есть о сфере, процессы в которой первичны по отношению к процессам, развертывающимся в других сферах. В марксизме — если о нем все еще можно говорить всерьез — приоритетной сферой (или «базисом») являются экономические отношения. Все остальное — культура, политика и прочее — это «надстройка».

Я полагаю, что в общем случае говорить о приоритетной сфере нельзя. По крайней мере, если употреблять это понятие так, как оно только что было употреблено. Чаще всего мы имеем дело с множеством параллельно протекающих процессов, определить среди которых «основной» практически невозможно (его может вообще не быть). Что правда, некоторые из этих процессов оказываются более заметными, более *измеримыми*, чем другие. Экономические процессы как раз

таковы — в отличие от процессов в сфере культуры, искусства, политики, i.e. в «надстройке». Соответственно, когда речь заходит о причинах тех или иных изменений, сферой, ответственной за них, объявляют именно ту, изменения в которой первыми бросаются в глаза.

Не последнюю роль в этом, вероятно, играют и наши представления об иерархии человеческих потребностей, наиболее наглядно отраженные в пирамиде Маслоу. Однако линейность связи между процессами, происходящими в такой сверхсложной системе, как общество, и потребностями отдельного человека, на мой взгляд, далеко не очевидна.

Возможно также, что мы зачастую имеем дело с элементарной логической ошибкой: *post hoc ergo propter hoc*. Если изменения в некоторой сфере замечены или действительно начинают происходить первыми, то изменения в других сферах почти автоматически объявляются их следствиями. В относительно простых случаях подобная логическая ошибка либо вообще не совершается, либо быстро обнаруживается, в случае же общественных процессов, как правило — чрезвычайно сложных, ее осознают редко.

Не следует забывать и о давлении традиционной формы построения научного (или квазинаучного) текста, которая требует выстраивания причинно-следственных цепочек и описания реальности как совокупности подобных цепочек. Эта форма, кстати говоря, является в свою очередь коррелятом другой чрезвычайно влиятельной парадигмы, которую условно можно назвать «парадигмой причинности», предписывающей всегда искать причины вещей и явлений (от себя замечу, что если такие причины найти не удастся, то в качестве них часто берутся первые попавшиеся факторы).

При всем том я вовсе не утверждаю, будто выводы, полученные при опоре на идею приоритетной сферы, обязательно неверны. Я лишь утверждаю, что теоретические основания базирующегося на ней подхода недостаточно прочны.

Однако не можем ли мы использовать некую сферу и происходящие в ней процессы как своего рода индикатор состояния общества в целом, то есть как *репрезентацию* тех процессов, измерить параметры которых (да и зафиксировать сами процессы) не так просто? Думаю, это мы себе позволить можем. Главное, так сказать, философское основание для этого — *единство мира*, неразрывность всех его частей.

Если такой репрезентирующей сферой выступает экономика, достаточно замерить лишь несколько параметров, чтобы узнать, в каком состоянии находится общество. Правда, о причинной связи между процессами, происходящими в экономической сфере, и процессами, идущими в других сферах, в этом случае можно говорить только метафорически.

Вряд ли можно утверждать, конечно, что процесс распада, о котором идет речь в настоящей статье, начался в экономической сфере (хотя многие это явно или неявно предполагают) и породил аналогичные

процессы во всех остальных. Вместе с тем можно совершенно точно сказать, что именно в этой сфере он стал замечен раньше всего, именно в ней он наиболее очевиден сегодня.

Что будет, если, руководствуясь приведенными соображениями, мы попытаемся избежать выстраивания причинно-следственных связей там, где для этого нет достаточных оснований? Не получится ли так, что у нас в руках окажется множество не связанных друг с другом «хвостов», о которых можно будет наверняка сказать лишь то, что все они принадлежат одному «чудовищу», скрывающемуся под кличкой «распад»⁵. И как будет выглядеть соответствующий текст? Ведь общепринятые парадигмы (некоторые из которых я уже упомянул) не только задают определенные стандарты научности, но и обеспечивают исследователя средствами выражения его мыслей. При отсутствии сколько-нибудь развитой парадигмы (как в рассматриваемом случае) становится в принципе невозможно сформулировать результаты размышлений — ни хорошо, ни плохо.

Думаю, выход из ситуации содержится в обозначенном выше способе проблематизации. А именно: можно строить рассуждения таким образом, будто какая-то из сфер (экономическая, политическая, социальная, культурная и т.д.) действительно является приоритетной, но при этом «держать в уме», что это всего лишь метафора. Или — другой вариант, тоже вытекающий из уже сказанного, — рассматривать эту сферу как индикатор, то есть как сферу, изменения в которой указывают на аналогичные изменения в других сферах.

Далее я буду использовать и первый, и второй подход, выбрав в качестве приоритетной экономическую сферу — отчасти по уже упомянутым выше причинам (в том числе ввиду удобства измерения экономических показателей), отчасти по традиции. Хотя, повторю, в этой роли может выступать практически любая сфера.

Итак, сделав эти предварительные замечания, вернусь к основной своей теме. Начну с партийной системы.

После 1991 г. на Украине образовалось множество партий самого разного толка. Этот факт можно расценивать — что и делается в рамках парадигмы развития — как свидетельство большей свободы, демократизации и т.п. Но его можно интерпретировать и по-иному, а именно как результат распада «украинского филиала» КПСС.

Действительно, костяк, верхушку большинства сколько-нибудь серьезных украинских партий до последнего времени составляли выходцы из партийных и комсомольских организаций СССР разного уровня. Что касается идеологического разнообразия этих партий (чаще всего мнимого), то оно может быть без труда объяснено случайными обстоятельствами. Например, тем, с какой именно сферой были связаны в прошлом их «учредители» — с тяжелой промышленностью, ВПК, сельским хозяйством, образованием и т.п.

В силу такого своего происхождения многие из этих партий не имели и не имеют той поддержки, на которую вроде бы позволяют

⁵ При этом необходимо помнить, что распад — понятие, не рядоположенное понятию факта. Более того, оно не сводится ко всей совокупности фактов, взятых из разных сфер (экономической, политической и др.), а является присоединенной к этому множеству характеристикой.

рассчитывать их «идеологии». Этим же обусловлена та легкость, с которой их лидеры изменяют своим партийным программам.

Теперь о *несостоявшейся двухпартийности*.

Одно время среди украинских политологов и политиков было распространено мнение, что довольно скоро украинская партийная система станет двухпартийной. На роль составляющих этой системы прочили Партию регионов и Блок Юлии Тимошенко⁶. Как известно, двухпартийности не получилось. Предлагаемые объяснения причин такого поворота событий чаще всего базируются на современной западной теории партий. Однако, на мой взгляд, самое простое объяснение может быть дано именно в рамках парадигмы распада.

С момента «официальной смерти» СССР экономическое положение Украины в общем и целом ухудшалось (некоторая стабилизация или, точнее, уменьшение крутизны падения после обвала в начале 1990-х годов просто несколько завуалировало это падение, сделало его не столь очевидным). Вследствие этого на протяжении всего периода независимости количество более или менее серьезных партий, которое украинская экономика могла себе позволить, неуклонно сокращалось. В конечном итоге на Украине осталась только одна такая партия — Партия регионов. Можно сказать, что к 2013 г. украинская партийная система превратилась в систему с *единственной выжившей партией* — а не, например, *доминантной*, как считали некоторые украинские политологи⁷. Но в результате событий конца 2013 — начала 2014 г. и Партия регионов, похоже, утратила такой свой статус — скорее всего, окончательно.

В связи с только что сказанным стоит отметить, что с некоторых пор любые выборы на Украине — хоть парламентские, хоть местные, хоть президентские — стали соревнованием между непрерывно слабеющими игроками, различающимися между собой лишь по степени своей слабости.

Деградация, примитивизация политической сферы помимо прочего привела к тому, что значительное число людей, достаточно образованных для того, чтобы занимать государственные должности, оказалось за бортом политической жизни. Замечу, что образование они получили в СССР или сразу после его кончины, то есть изначально готовились для работы в системе куда более сложной, чем та, в которой им в действительности пришлось жить и в которой им — в силу «излишней образованности» — места не нашлось. Эти люди сформировали *резервную политическую армию*, аналогичную *резервной армии труда*. И эта политическая армия, похоже, так и останется резервной (коль скоро деградация всех сфер украинской жизни продолжается).

NB! Сегодня в украинской политике человеку с ученой степенью — если, конечно, она не куплена — просто *нечего делать*. Причем «нечего делать» — это не фигура речи, а совершенно точная формулировка, отражающая реальное состояние политика: такой

⁶ Рагозин [Ragozin] 2004.

⁷ *Серьезных работ на тему доминантной партии применительно к Украине, насколько я знаю, нет, хотя намерение начать исследования в этом направлении у некоторых знакомых мне украинских ученых имелось. О теории доминантной партии см. Грин [Greene] 2011. О доминантной партии в случае России см. Буратаева [Burataeva] 2007; Reuter, Remington 2009; Трунтягин [Truntjagin] 2011.*

человек не сможет найти там себе занятие, действительно соответствующее его интеллекту. Как говорится, зачем пользоваться компьютером, когда можно обойтись счетами (или молотком).

⁸ Думаю, главную роль в том, чтобы назвать эти годы именно таким образом, сыграли идеологические мотивы. Но и парадигму развития сбрасывать со счетов тоже не стоит.

Парадигма распада позволяет по-новому взглянуть и на так называемую эпоху *первичного накопления капитала*, как часто именуют несколько первых лет после распада СССР⁸. С точки зрения этой парадигмы, первичное накопление капитала происходило в СССР (правда, капитал тогда был не частный, а государственный). В 90-х же годах XX столетия этот капитал был просто приватизирован. Важно отметить, что, в отличие от стран, где действительно шло накопление капитала *частного*, этот приватизированный капитал не инвестировался (и не инвестируется) в сколько-нибудь достаточном объеме в украинскую экономику, а выводился (выводится) за рубеж. И если интенсивность этого процесса снижается (что отнюдь не факт), то только потому, что уменьшается количество того, что еще может быть выведено.

Кому-то сказанное может показаться существенным упрощением, ведь наряду с процессами распада идут и процессы становления. Все так. Однако нужно учитывать долю соответствующих процессов и их скорость. Любые процессы, протекающие на Украине, в том числе те, которые вроде бы могут трактоваться как процессы развития, как бы *вложены* в процесс распада. То есть распад является *суперпроцессом* по отношению к любым другим процессам.

Хочу также особо подчеркнуть следующий момент. В рассматриваемом случае важна не собственно бедность страны, не степень деградации ее экономики и населения, а то, что бедность и деградация прогрессируют (еще один пример того, насколько парадигма развития вьелась в наш язык: у нас даже *деградация прогрессирует!*).

Если обратиться к тому, что у нас называют межпартийной борьбой, то в этом контексте ее результаты предстают куда менее важными, чем принято считать. Политики же выступают в роли людей, соревнующихся за то, чтобы порулить падающим самолетом.

Теперь несколько слов об одной влиятельной сегодня теории, трактующей разворачивающиеся на Украине — да и в других бывших республиках Советского Союза — политические процессы. Я имею в виду теорию *неопатримониализма*, являющуюся дальнейшим развитием теории патримониализма, разработанной Максом Вебером.

Вебер считал, что в своей первоначальной форме патримониализм вырастает из управления имуществом вождя, точнее, из выделения из домашнего хозяйства господина-патрона слуг-клиентов и предоставления им земельных владений, возможностей сбора податей и т.п. «В своем чистом виде патримониальное господство... рассматривает все управленческие полномочия с соответствующими экономическими правами в качестве частным образом апроприированных экономических возможностей»⁹. Другими словами, главная особенность патримониализма заключается в присвоении сферы управления официальными

⁹ Weber 1978: 236.

носителями политической власти, в результате чего государство управляется как частная собственность правящих групп, приватизирующих общественные функции и государственные институты. Важно отметить, что патрон-клиентские сети могут существовать внутри самых разных экономических и политических систем.

Следующий шаг в развитии этой теории был сделан Шмуэлем Эйзенштадтом, построившем комплексную теорию неопатримониализма.

Классический патримониализм, по его мнению, был присущ древним и средневековым обществам. Продуктом же модернизации современных (прежде всего постколониальных) обществ оказываются принципиально новые, неопатримониальные структуры. Возникновение неопатримониализма обусловлено тем, что становление политических институтов современного государства во многих развивающихся (опять «становление», опять «развивающихся!») странах Азии, Африки и Латинской Америки происходило в рамках синтеза традиционного и современного. Причем этот синтез отнюдь не некое переходное состояние, а обладает значительной устойчивостью и собственной логикой развития.

Важнейшим принципом функционирования неопатримониализма выступает *клиентелизм*, или *патронажные отношения*¹⁰. Как считает Эйзенштадт, возникновение неопатримониальных режимов связано с провалом политики модернизации¹¹.

В последнее время стали предприниматься попытки приложить теорию неопатримониализма к ситуации, сложившейся на постсоветском пространстве¹². В случае Украины (как и других бывших советских республик) данная теория связывает неопатримониальные черты в ее нынешнем политическом устройстве с существовавшими в СССР патрон-клиентскими сетями.

В общем и целом с картиной, которую рисуют приверженцы теории неопатримониализма, можно согласиться. Но с одним важным уточнением: украинский неопатримониализм (как и неопатримониализм в большинстве других стран, образовавшихся на территории бывшего СССР) является не суперпозицией традиций и модернизации, как в странах Азии или Латинской Америки, и не промежуточной ступенью на пути к более развитому состоянию, как в США в конце XIX в., во времена политических «боссов» и «машин», а результатом деградации той достаточно сложной государственной системы, которая действовала в СССР.

Конечно, в СССР — как и в любой другой стране — существовали патрон-клиентские сети, однако они существовали наряду с формальными рационально-легальными механизмами (возможно, более рациональными, чем в современных развитых демократических странах). Но патронажные отношения вышли на передний план и стали превалировать в украинской политике не потому, что Украина «недостаточно модернизировалась», а потому, что эти более сложные, рационально-легальные механизмы были разрушены.

¹⁰ Eisenstadt, Lemarchand 1981.

¹¹ Eisenstadt 1973.

¹² См., напр. Фисун [Fisun] 2006.

В свое время Рене Лемаршан и Кейт Легг писали о том, что избыток и широкие экономические возможности серьезно ослабляют воздействие экономического фактора, тем самым делая персонализированные политические взаимоотношения, составляющие суть патриимониализма, излишними для большинства жителей индустриальных государств¹³. Сегодня мы можем наблюдать обратный процесс, когда неблагоприятная экономическая обстановка усиливает старые и порождает новые неопатримониальные связи.

¹³ Lemarchand, Legg 1972.

Интересно отметить, что, хотя теоретики неопатримониализма не говорят прямо о «развитии» в отношении Украины (да и России), они явно или неявно подразумевают — опять же, вероятно, по аналогии со странами Азии или Латинской Америки — некоторую *стабилизацию* состояния политической системы, то есть рассматривают неопатримониализм (возможно, прикрытый ширмой демократических институтов) как некий особый вид политического режима, который может существовать достаточно долго¹⁴.

¹⁴ Об этом см. Фисун [Fisun] 2006.

Очевидно, здесь имеет место некая аналогия с *консолидацией демократии*, которой вроде бы должен был закончиться демократический транзит (но которой он не закончился — потому что, утверждают приверженцы теории неопатримониализма, он закончился консолидацией этого самого неопатримониализма).

На мой взгляд, ошиблись сторонники не только теории демократического транзита (надеявшиеся, что бывшие советские республики станут «демократическими странами»), но и теории транзита неопатримониального: неопатримониализм (по крайней мере в том виде, в каком он сложился на Украине) представляет собой лишь еще одну фазу продолжающегося процесса деградации всех сфер жизни страны, а не некую особую форму политического устройства.

Так, неопатримониальный режим Леонида Кучмы был, по видимому, куда более *консолидированным*, чем режим Виктора Януковича. Иными словами, не только выход на передний план этой формы организации политической жизни является результатом распада более сложных форм, но и сама эта форма находится в процессе дальнейшего разложения: *неопатримониализм становится все более и более примитивным*.

Из сказанного очевидно, что ни о какой демократизации украинской политической жизни ни в прошлом, ни тем более в настоящем говорить не приходится. Возможность консолидации демократии, если таковая и была, с каждым годом становится все иллюзорнее. Даже такие *флуктуации*, как «оранжевая революция» или «евромайдан», по факту лишь уменьшали и уменьшают шансы Украины стать демократическим государством¹⁵. По-другому: даже если какие-то движения в сторону большей демократичности украинским обществом и совершались, они не могли «перебить» процесс распада. Не случайно после почти 20 лет «демократизации» к власти на Украине пришла именно Партия

¹⁵ Именно поэтому я и не вижу смысла анализировать здесь эти «переломные» моменты украинской истории.

регионов, меньше всего ассоциировавшаяся с демократией, а после событий конца февраля 2014 г. — радикалы и националисты.

Если верить теории демократии, то эта самая демократия как совокупность признаваемых всеми влиятельными политическими акторами правил игры возникает из пакта элит, следующего за патовой ситуацией в их противостоянии. Однако подобная патовая ситуация может возникнуть только при наличии как минимум двух примерно равных по мощи игроков. На Украине же таких игроков нет — и в силу указанных выше причин не предвидится.

А сейчас еще несколько слов о собственно теории демократического транзита в том ее варианте, который был разработан для стран постсоветского пространства, — в качестве очередной иллюстрации неадекватности для наших реалий парадигмы развития и странного упорства в ее применении.

После возникновения несомненных трудностей с применением к постсоветским реалиям первоначального варианта этой теории (разработанного, кстати говоря, опять же на материале стран Латинской Америки и предполагавшего, что демократический транзит состоит в создании демократических институтов и маркетинга) в эту теорию помимо прочего был включен еще один компонент — *развитие государственности*. Связано это было с тем, что, как тогда считали, в постсоветских странах были слабо развиты государственные структуры¹⁶.

¹⁶ См. Kuzio 2001.

Если подойти к данному вопросу с точки зрения парадигмы распада, то станет совершенно очевидно, что речь должна идти не о недостаточном развитии этих структур, а о разложении, деформации и частичном исчезновении государственных структур СССР. Да, строительство каких-то новых государственных структур в 90-е годы прошлого столетия, безусловно, шло (и продолжается сегодня). Но оно шло не на голом месте и не постепенно. Новые государственные структуры не прорастали естественным образом из социальной и экономической систем общества (или, точнее, не росли вместе с ними — хотя бы потому, что никакого «роста» не было). Наоборот, они в значительной мере стали плодом разрушения (или неразрушения) структур СССР, сохранив многие их черты, вобрав в себя их кадры и т.д. Особенно показателен в этом смысле случай России, где бывший КГБ как, вероятно, наиболее жизнеспособный государственный орган СССР послужил основой тех реальных государственных структур, которые мы можем видеть в настоящее время.

¹⁷ Считаю необходимым подчеркнуть, что этот вопрос выходит далеко за рамки проблематики «советского наследия», как ее трактуют, например, Джеймс Махони и Ричард Снайдер (Mahoney, Snyder 1999) или Владимир Гельман (Гельман [Gel'man] 2007).

Таким образом, то, что происходило с начала 1990-х годов, есть следствие наложения двух процессов: попытки создания демократических институтов (еще, кстати, не известно, насколько серьезной) и разрушения государственных структур СССР. Причем именно второй процесс был ведущим, основным¹⁷.

Важно понимать, что во всем этом намерения тех или иных акторов не имели (и не имеют) особого значения. Тем более — их декларации. Можно на всех углах кричать, что мы строим демократию, и даже

искренне в это верить, однако в зачет идет только результат. А результат, как известно, далеко не всегда соответствует декларациям или намерениям.

Впрочем, о результате действительно часто судят по декларациям — просто потому, что видят в том, что получилось, только то, что до этого было представлено как мотив. Думаю, именно в этом кроется главная причина того, что государства, сложившиеся на территории бывшего СССР, сегодня рассматриваются как «фасадные демократии», «failed states» и т.п., то есть как некий неудавшийся проект. Хотя, наверное, правильнее было бы воспринимать их как осколки огромной империи, осколки, в которых эта империя продолжает существовать (или разрушаться) и, возможно, просуществует еще долго.

Демократическая риторика, риторика построения гражданского общества, государства (i.e. *риторика развития*), из года в год воспроизводимая политиками, экспертами, аналитиками и проч., не должна сбивать нас с толку при оценке реальных процессов, происходящих в политике, экономике, социальной сфере. Производители дискурса — повторю, речь идет о *хорошо структурированном* дискурсе, который только и может иметь хождение в публичной, официальной и научной среде — не могут слишком отклоняться от существующих паттернов, задаваемых теориями демократии, демократического транзита и т.д. После того как в силу определенных обстоятельств этот дискурс «получил прописку» в странах бывшего СССР (прежде всего потому, что были отброшены теории, на которых базировался дискурс советских времен), от него стало практически невозможно отступить. Все публичные деятели зажаты в тесные рамки «одобренных к использованию» словарей¹⁸, выход за которые означает автоматический переход в разряд маргиналов.

¹⁸ См. Skinner 1974.

Вследствие этих обстоятельств декларируемые политиками цели далеко не всегда (а точнее, практически никогда не) соответствуют фактам — и дело здесь даже не в том, что политики *врут*, а в том, что у них нет слов для того, чтобы сказать правду. Образно говоря, дискурс может идти своим путем, а реальность — своим.

Немалую роль в том, что очевидные на самом деле процессы распада государства часто не фиксируются субъективно, играет глобализация.

Действительно, включенность Украины в глобальную экономику, относительная открытость ее границ для миграции (в том числе трудовой), с одной стороны, смягчают для части ее граждан последствия разрушения основных отраслей экономики и деградации социальной сферы (в частности, благодаря деньгам трудовых мигрантов и возможности периодически выезжать за рубеж или работать в транснациональных корпорациях), а с другой — делают их не столь явными.

За годы независимости из Украины выехало (и продолжает выезжать) значительное число высококвалифицированных работников, да и просто активных людей. Кроме того, многие из украинских граждан, которые могли бы при определенных условиях поддержать или даже инициировать социальные изменения, либо в той или иной форме

включены в глобальные экономические цепочки (например, работают в иностранных компаниях), либо задействованы в тех узких и редких секторах экономики, которые еще не полностью деградировали, и потому не слишком мотивированы что-либо менять (те же, кто по каким-то причинам остался вне таких цепочек или секторов, чересчур разознены и малочисленны, чтобы на что-то влиять). В результате та часть населения Украины, которая на первый взгляд должна быть наиболее заинтересована в социальных преобразованиях, оказалась слишком малообразованной, слишком пассивной, слишком маргинализованной для того, чтобы хотя бы просто осознавать катастрофичность развертывающихся процессов, не говоря уже о том, чтобы организованно на них реагировать.

¹⁹ Как известно, склероз — это замена высокоспециализированной ткани соединительной.

Почти во всех сферах и на всех их уровнях происходит замена более квалифицированных кадров менее квалифицированными (то есть нарастает то, что можно образно назвать «государственным склерозом»¹⁹), но именно потому, что такая замена происходит почти повсеместно, процессы распада, о которых здесь идет речь, воспринимаются этими менее квалифицированными кадрами как норма. От этого, естественно, они (эти процессы) не замедляются. Скорее наоборот.

Можно было бы предположить, что вот-вот будет достигнута (или уже достигнута) нижняя точка падения и Украина превратится в третьесортную, но относительно стабильную страну. Однако, как мне кажется, до нижней точки еще далеко. Более того, в последнее время процессы распада, похоже, только ускорились.

В связи с последним замечанием хочу напомнить, что деградация, распад протекают неравномерно: за относительно плавными «участками», как правило, следует резкое обрушение, когда ситуация ухудшается буквально на глазах. Поэтому периоды стабилизации, возможные в будущем, не должны нас особо обнадеживать.

Не берусь судить, насколько выводы, сформулированные для Украины, справедливы для других стран бывшего СССР. По всей видимости, вариации могут быть значительными. Это обусловлено как культурными и историческими особенностями соответствующих стран, так и тем, в зоне чьего геополитического влияния они оказались. Один из важнейших факторов, влияющих на плавность протекания в этих странах политических и иных процессов, — наличие (или отсутствие) природных ресурсов. Тем не менее решусь предположить, что различия эти носят в основном количественный, а не качественный характер.

Не последнюю роль в рассмотренных процессах — и Украина в этом смысле, пожалуй, один из самых показательных примеров — играет внешний фактор. Думаю, если бы не интенсивная финансовая, организационная и информационная помощь со стороны Запада, украинская оппозиция никогда бы не смогла «поднять» такие проекты, как «оранжевая революция» или «евромайдан».

В заключение еще раз подчеркну, что, хотя изложение материала статьи строилось в форме, позволяющей предположить, будто я

поддерживаю идею о «базисе» и «настройке» (причем в качестве «базиса» рассматриваю экономику), на самом деле эта форма была лишь данью общепринятой манере выражать свои мысли. Упадок всех сфер жизни Украины не может быть объяснен проблемами в какой-то одной или даже нескольких сферах (соответственно, невозможно указать сферу, с которой могло бы начаться ее, Украины, «возрождение»).

Следует ли из сказанного выше, что Украину в скором времени ждет печальный конец? Отнюдь. Однако перелома той тенденции, о которой здесь шла речь, выхода из уже крутого пике сегодня, к сожалению, не просматривается, и предсказание хотя бы отдельных параметров такого перелома, как мне кажется, выходит далеко за пределы возможностей современной политической или какой-либо иной науки²⁰.

Библиография

²⁰ Здесь, кстати говоря, мы выходим на еще одну причину устойчивости парадигмы развития — ее удобство. Дело в том, что разложение, которое, как и развитие, может продолжаться практически бесконечно, не предполагает установления какого-то стабильного состояния, описываемого в положительных терминах. Вследствие этого соответствующая парадигма, во-первых, лишена присущей парадигме развития целостности, законченности, положительности, а во-вторых, чисто психологически непривлекательна.

Буратаева А.М. 2007. *Парламентская модель партийного доминирования в российской политической системе*. Дисс. на соискание уч. степени к. полит. н. — Волгоград [Burataeva A.M. 2007. *Parlamentskaja model' partijnogo dominirovanija v rossijskoj politicheskoj sisteme*. Diss. na soiskanie uch. stepeni k. polit. n. — Volgograd].

Гельман В. 2007. Из огня да в полымя? (Динамика изменений постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // *Полис*. № 2 [Gel'man V. 2007. *Iz ognja da v polymja?* (Dinamika izmenenij postsovetskich rezhimov v sravnitel'noj perspektive) // *Polis*. № 2].

Грин К.Ф. 2011. Политическая экономия авторитарного однопартийного доминирования // *Полития*. № 1 (60) [Greene K.F. 2011. *Politicheskaja ehkonomija avtoritarnogo odnopartijnogo dominirovanija* // *Politeia*. № 1 (60)].

Лакатос И. 2003. *Методология исследовательских программ*. — М. [Lakatos I. 2003. *Metodologija issledovatel'skikh programm*. — M.].

Мельвиль А.Ю. 2007. Демократические транзиты // Соловьев А.И. (ред.) *Политология: Лексикон*. — М. [Mel'vil' A.Ju. 2007. *Demokratičeskie tranzity* // Solov'ev A.I. (red.) *Politologija: Leksikon*. — M.].

Подвинцев О.Б. 2007. Идея «несостоявшихся государств» в российском постимперском контексте // *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*. Вып. 7 [Podvincev O.B. 2007. *Ideja «nesostojavshiksja gosudarstv» v rossijskom postimperskom kontekste* // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*. Vyp. 7].

Рагозин Н.П. 2004. Партийная система Украины: развитие и особенности // *Полис*. № 1 [Ragozin N.P. 2004. *Partijnaja sistema Ukrainy: razvitie i osobennosti* // *Polis*. № 1].

Скиннер К. 2005. Язык и политические изменения // *Логос*. № 3 (48) [Skinner Q. 2005. *Jazyk i političeskie izmenenija* // *Logos*. № 3 (48)].

Трунтягин А.А. 2011. Процессы формирования доминирующей партии в постсоветской России // *Вестник Томского государственного университета: Философия. Социология. Политология*. № 3 (15) [Truntjagin A.A. 2011. *Processy formirovanija dominirujushhej partii v post-*

sovetskij Rossii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Filosofija. Sociologija. Politologija. № 3 (15)].

Фисун А.А. 2006. *Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации*. — Харьков [Fisun A.A. 2006. *Demokratija, neopatrimonializm i global'nye transformacii*. — Khar'kov].

Eisenstadt S.N. 1973. *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*. — L.

Eisenstadt S.N., Lemarchand R. (eds.) 1981. *Political Clientelism: Patronage and Development*. — L.

Kuzio T. 2001. Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple? // *Politics*. Vol. 21. № 3.

Lemarchand R., Legg K. 1972. Political Clientelism and Development: A Preliminary Analysis // *Comparative Politics*. Vol. 4. № 2.

Mahoney J., Snyder R. 1999. Rethinking Agency and Structure in the Study of Regime Change // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 34. № 3.

Pocock J.G.A. 1989. *Politics, Language, and Time: Essays on Political Thought and History*. — Chicago, L.

Reuter O.J., Remington T.F. 2009. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia // *Comparative Political Studies*. Vol. 42. № 4.

Skinner Q. 1974. The Principles and Practice of Opposition: The Case of Bolingbroke versus Walpole // McKendrick N. (ed.) *Historical Perspectives: Studies in English Thought and Society in Honour of J.H. Plumb*. — L.

Weber M. 1978. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. — Berkeley.